

Л. В. Миндыбаева

**ПРЕДОК И. С. ТУРГЕНЕВА —
ГЕРОЙ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА П. Н. ПОЛЕВОГО**

В 1873 году будущий известный критик, беллетрист и историк литературы Петр Николаевич Полевой (1839—1902) был занят подготовкой второго издания «Истории русской литературы в очерках и биографиях» (первое вышло в 1872 г.). По его просьбе И. С. Тургенев написал биографический очерк, который был отправлен Полевому 17 (29) октября 1873 года. Посланное Тургеньевым представляло собой вырезку из журнала «Нива» (1872. № 9. 28 февраля. С. 136—137), содержавшую начало очерка «Иван Сергеевич Тургенев», куда писатель внес дополнения. Одно из существенных дополнений касалось двух его предков по линии отца. Об этом И. С. Тургенев писал П. Н. Полевому: «Из исторических лиц, принадлежащих к его фамилии, Т<ургенев> дорожит особенно двумя: тем Петром Т<ургеневым>, который *обличил* Лжедмитрия и за это *обличение* был в тот же день казнен на лобном месте в Москве — и тем шутком Петра Великого, Яковом Т<ургеневым>, которому пришлось в новый 1700-й год обрезать ножницами бороды бояр; он по-своему тоже служил делу просвещения».¹

Второе издание «Истории русской литературы в очерках и биографиях» П. Н. Полевого вышло в свет в Санкт-Петербурге в 1874 году. В этой книге были помещены биография и портрет Тургенева с фотографии Бергамаско. Писатель остался доволен точностью приведенных биографических данных, о чем узнаем из его письма к А. С. Суворину от 14 (26) марта, 1 (13) апреля 1875 года: «Что касается до биографических подробностей обо мне — то все данные у Полевого верны — и других, кажется, собирать не стоит».²

Судьба упоминаемого в письме к Полевому Петра Тургенева была известна не только в тесном семейном кругу, но и во всей России по

¹ ПССиП(2). Письма. Т. 12. С. 230—231.

² Там же. Т. 14. С. 61.

трусам историков. Об этом свидетельствует тон самого письма, в котором Петр Тургенев причисляется к кругу «исторических лиц». Поскольку речь в данной работе пойдет именно о Петре Тургенева, уместно привести свидетельства о нем из самых разных источников.

Одно из свидетельств исходит из семьи Тургеньевых и содержится в документах, представленных в Тульское дворянское депутатское собрание в 1810 году дедом писателя Н. А. Тургеньевым: «...Петр Никитин сын в царствующем граде Москве был первострадалец, обличил вора-еретика и расстригу Гришку Атрепьева, за что от него и мучим разными пытками и казнен смертию, о чем свидетельствует соборная апостольская церковь».³

Первым русским летописцем, написавшем о Петре Тургенева и Федоре Калачнике, стал келарь Троице-Сергиевского монастыря Авраамий Палицын. В его «Сказании» читаем: «Мученицы же нови явльшиеся тогда: дворянин Петр Тургеньев да Федор Калачник без боязни того обличаху. Им же по многих муках главы отсекоша среди царствующаго града Москвы. Той же Федор, ведом к посечению, вопиаше всему народу: „Се приали есте образ антихристов и поклонитесь посланному от сатаны; и тогда разумеете, егда вси от него погибнете“. Москвичи же ругахуся ему и по делом суд тому быти глаголюще. Тако же и Петрову казнь ни во что же вмениша».⁴

Русские историки, жившие в более позднее время, во многом повторили свидетельства Авраамия Палицына и сделали ссылки на него в своих трудах, но в то же время добавили новые детали. Они разошлись в отражении последовательности двух событий: осуждения Василия Шуйского (был помилован на плахе) и казни Петра Тургенева и Федора Калачника.

Как единственный представитель дворянства, казненный публично Лжедмитрием, упоминается Петр Тургеньев в «Истории российской от древнейших времен», сочиненной князем М. М. Щербатовым: «Слухи сии не могли до *Лжедмитрия* не доходить, как через его подзирателей, так и через самые доносы. Не могли уверить ласкою, старался он страхом мучения прекратить такие разглагольствия. Многие монахи были взяты, мучимы, иные умерщвлены, а другие в дальние места в заточение посланы; но многие из сих показывали толикую твердость мучений, что и при предстоящей им смерти не устрашились его в самозванстве изобличать, гонение сие поразившее всех страхом распостерлось и на многих дворян, которые подобную же судьбу претерпели, и между прочими единый Петр Тургеньев был на площади казнен».⁵

³ См.: Жидкова С. В. Тургеньевы в Петровское время (Комментарий к одному письму Тургенева) // Тургениана. Сб. ст. и материалов / Сост. Л. А. Балыкова и Л. В. Дмитриухина. Орел, 1999. Вып. 2—3. С. 81, 100.

⁴ Сказание Авраамия Палицына / Подг. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.; Л., 1955. С. 111.

⁵ Щербатов Михаил. История российская от древнейших времен. СПб., 1791. Т. 7. Ч. 2. С. 22.

Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» остановился на эпизоде казни Петра Тургенева и «мещанина Федора» (Федора Калачника). Рядом с ними упоминается Василий Шуйский, который тоже свидетельствовал о самозванстве нового царя, но не публично, а тайно. Он побывал на плахе и был помилован Лжедмитрием в последний момент, за что народ излил на царя свою благодарность. Когда же появились новые обличители, они натолкнулись на глухую стену непонимания и враждебности со стороны толпы. Из изложения событий Н. М. Карамзиным следует, что близость по времени этих событий, а именно действий против самозванца Василия Шуйского и Петра Тургенева с Федором Калачником, вызвала такую разную реакцию толпы и обернулась против последних. Причем помилование Шуйского предшествует казни Тургенева и Калачника. В «Истории государства Российского читаем»: «Схватили еще дворянина Петра Тургенева и мещанина Федора, которые явно возмущали народ против лжецаря. Самозванец велел казнить обоих торжественно и с удовольствием видел, что народ, благодарный ему за помилование Шуйского, не изъявил чувствительности к великодушию сих двух страдальцев; оба шли на смерть без ужаса и раскаяния, громогласно именуя Лжедмитрия Антихристом и любимцем Сатаны, жалея о России и предсказывая ей бедствие: чернь ругалась над ними, восклицая: „умираете за дело!“».⁶

Совсем иная хронология событий приводится в труде Н. И. Костомарова «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604—1613»: «Русские летописцы (Авраамий Палицын, Никоновская летопись) говорят, что прежде, чем Шуйский стал возмущать народ, были казнены за непризнание Дмитрия царевичем Петр Тургенев и Федор Калачник. Когда их вели на смерть, последний кричал, что русские приняли антихристову слугу; народ не сочувствовал обоим и кричал: „Поделом вас осудили, умирайте!“ Так как между воцарением Дмитрия и арестом Шуйских прошло всего три или четыре дня, а помилование Шуйского объявлено с заявлением, что царь не хочет проливать крови, то, вероятно, казнь этих двух лиц случилась до пришествия Димитрия, и осудили их бояре, может быть, с одобрением Димитрия, но тайным; иначе выдумали бы иной повод для царского милосердия Шуйскому. Не мог бы решиться объявлять народу новый царь, что он не хочет проливать крови, когда кровь была уже им пролита...».⁷

Описание шествия на казнь Петра Тургенева и Федора Калачника находим у С. М. Соловьева: «Один из современников, смотревший на Лжедмитрия как на еретика, приписывавший ему много дурных дел, должен был, однако, признаться, что большинство было за него, что он пользовался сильною народною привязанностию. Это особенно обнаружилось, когда явились новые обличители: дворянин Петр Тургенев и

⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. Тула, 1990. Т. 9—12. С. 275.

⁷ Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604—1613. М., 1994. С. 171.

мещанин Федор Калачник, последний, когда вели его на казнь, вопил всему народу: „Приняли вы вместо Христа антихриста и поклоняетесь посланному от сатаны, тогда опомнитесь, когда все погибнет”. Но народ ругался над ним, кричал: „Поделом тебе смерть”». ⁸

С трудами историков, в которых упоминался предок писателя Петр Тургенев, могли быть знакомы и сам И. С. Тургенев, и П. Н. Полевой. В мемориальной библиотеке И. С. Тургенева сохранились труды М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева. ⁹ П. Н. Полевой наверняка сохранил в памяти подробности знакомства и переписки с И. С. Тургеневым, в том числе сообщенные писателем биографические сведения. Поэтому не случайным представляется тот факт, что П. Н. Полевой написал исторический роман «Корень зла» об эпохе Бориса Годунова и Лжедмитрия, одним из главных персонажей которого является предок писателя Петр Тургенев. Роман был впервые напечатан в журнале «Нива» в 1891 году.

Роман охватывает период времени от января 1599 года до весны 1606 года. В центре повествования — реальные события, описанные историками: царствование Бориса Годунова, опала и ссылка бояр Романовых, неурожай и голод 1601—1602 годов, приезд в Москву и смерть датского царевича, жениха царевны Ксении, распространение по стране прелестных писем Лжедмитрия, измена Басманова и воевод и переход их на сторону самозванца, чтение в Москве на Лобном месте грамоты Лжедмитрия его послами Плещеевым и Пушкиным, смерть царя Бориса Годунова, убийство царицы Марьи и царя Федора, въезд в Москву Лжедмитрия, возвращение из ссылки двух из пятерых братьев Романовых — Федора Никитича (Филарета) и Ивана Никитича, а также множество других событий той бурной эпохи.

Автор романа остается верен историческим свидетельствам в описании характеров персонажей, а зачастую и в портретных деталях. Царю Борису Годунову свойственны неуверенность в своих правах на царство, недоверчивость, насаждение доносов и клеветы, мстительность, преследования родовитых бояр, в которых он видит соперников. Достоянно дочерью своего отца Малюты Скуратова предстает в романе царица Марья, подозрительная, вспыхивая и жестокая. Федору Никитичу Романову (Филарету), отцу будущего царя Михаила, присущи природный ум, твердость характера, стойкость. Лжедмитрия автор романа наделяет чертами, отмеченными ранее историками, — храбростью, живостью ума, пылкостью темперамента, красноречием.

Среди персонажей романа нас, безусловно, более всех интересует Петр Михайлович Тургенев. ¹⁰ По своей роли в исторических событиях

⁸ Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1989. Кн. 4: История России с древнейших времен. Т. 7—8. С. 421.

⁹ См.: Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Каталог / Сост. и автор вступит. ст. Л. А. Балыкова. Орел, 1994. Ч. 1: Книги на русском языке. С. 104—107, 169, 201—202.

¹⁰ Имена персонажей не всегда полностью совпадают с историческими прототипами. Имя предка писателя — Петр Никитич Тургенев.

он не может быть поставлен рядом с Борисом Годуновым, Романовыми, Лжедмитрием. Вместе с тем писатель смог определить его место таким образом, что он является одной из ключевых фигур в сюжете романа. Петр Тургенев всегда появляется в самые напряженные моменты, когда решаются не только судьбы отдельных людей, но и страны в целом. Несомненно, он положительный герой, носитель лучших человеческих качеств: верности, смелости, умения преданно любить.

Впервые читатели романа встречают Петра Тургенева на Романовском подворье в Москве, куда он приехал по делам из своего поместья. Тургенев — дальний свойственник Федора Никитича Романова по его жене. В Москве он встречает своего друга Федора Калашника «из улицких купеческих детей».¹¹

Во время обедни в Чудовом монастыре начинается своеобразный «поединок» между Петром Тургеневым и иноком Григорием (впоследствии Лжедмитрием), который будет продолжаться до конца романа. Петр Тургенев и инок Григорий влюблены в царевну Ксению, которая приходит к обедне. Любовь Григория к Ксении автор изображает как чувство страстное, тяжелое. Он пишет, что «Григорий не спускал с нее своих больших темных глаз, горевших ярким пламенем».¹²

Чувство Петра Тургенева к царевне, напротив, светлое, возвышенное, жертвенное, проникнутое готовностью в любую минуту отдать свою жизнь за любимого человека. Это заметил находившийся у обедни Федор Калашник: «Переводя по временам взоры на своего друга, Тургенева, Федор видел в нем живую противоположность иноку Григорию. Петр Михайлович, как опустился на одно колено за столпом, как оперся на другое колено рукою, — так и замер в этой молитвенной позе, замер немой и неподвижный. Глаза его были пристально вперены в ту сторону, где, облитая бледным светом зимних лучей солнца, молилась царевна Ксения...».¹³

В сюжете романа судьба Петра Тургенева тесно связана с судьбой бояр Романовых. Ради Алеши Шестова, брата Ксении Ивановны Романовой, жены Федора Никитича, Петр Тургенев увозит из Кадашевской слободы его невесту Ирину Луньеву. Она была сенной барышней царевны Ксении. Царица Марья воспрепятствовала женитьбе Алеши Шестова на Ирине и сослала ее в Кадашевскую слободу. Петр Тургенев увез оттуда Ирину с помощью скоморохов и только потому избежал наказания и ссылки, что был в ту пору далеко от Москвы.

Дважды в романе Петр Тургенев выступает в качестве вестника. В первый раз, при жизни Бориса Годунова, Тургенев был послан воеводами и привез в Москву весть о победе царских войск над самозванцем под Добрыничами. Обрадованный этой вестью, царь приказал Петру

¹¹ Полевой П. Н. Корень зла. Историческая повесть, переделанная для русского юношества. 2-е изд. СПб., 1899. С. 9.

¹² Там же. С. 14.

¹³ Там же.

Тургеневу и Михаилу Шеину возить по Москве отбитые знамена и пленников.

Вторую решающую для государства и страшную для царского двора весть Петр Тургенев привез уже после смерти Бориса Годунова его сыну царю Федору: «Царь Федор тотчас узнал в гонце Тургенева и выступил ему навстречу на середину комнаты. Но первый взгляд на лицо Тургенева объяснил ему весь ужас вести, которую тот привез из стана. Платье на Тургеневе было грязно, запылено, изорвано... Страшное утомление, тревога и напряжение выражались на бледном лице, изнуренном бессонными ночами и дальним, тяжелым путем. Едва переступив порог, Тургенев пал на колени и воскликнул громко: — Великий государь! Не вели казнить... за вести злые!.. Измена! Измена! Все войско, все воеводы — и Басманов тоже! — вслед за предателями Михайлой Салтыковым да за Василием Голицыным — предались на сторону разстриги!..».¹⁴

Таким образом, в сюжете романа Петр Тургенев играет ключевую роль. Эту свою роль осознает и сам герой, поэтому в разговоре с царевной Ксенией напоминает приведенные выше два эпизода, участником которых он был.

Одни из лучших страниц романа посвящены торжественному въезду Лжедмитрия в Москву. В своем описании П. Н. Полевой следует историческим свидетельствам: «Целый народ, умиленный, потрясенный трагическою судьбою юного царя, возвращенного царству после стольких бед и напастей — от всего сердца приветствовал его и был в глубине души проникнут высоким настроением торжественной минуты».¹⁵ Петр Тургенев и Федор Калашник тоже невольно поддались общему настроению толпы. Но когда Лжедмитрий остановил коня в нескольких шагах от них, когда снял шапку и начал отвешивать поклоны, друзья узнали в нем инока из Чудова монастыря, которого видели во время обедни.

В бурных и трагических событиях, произошедших в стране, Тургенева более всего волнует судьба царевны Ксении, которую после смерти ее родных он называет «бедною сиротой, бедною беззащитной девушкой». Тургенев опасается, что ей не даром сохранили жизнь, что хотят отдать ее на посмеяние и потеху новому царю.

С помощью своего друга Федора Калашника Петр Тургенев пытается спасти Ксению. Сначала он хочет убить Лжедмитрия, целых пять дней поджидает его, но когда встречается лицом к лицу, то рука его не поднимается на злое дело. Затем Тургенев заводит знакомство в доме, где живет Ксения, подкупает кое-кого из слуг и вместе с Калашником пробирается к царевне. Ксении, увлеченной Лжедмитрием, поверившей его обещанию жениться на ней, Тургенев открывает, в какую пропасть она идет и предлагает побег. Говорит, что помнит Лжедмитрия

¹⁴ Там же. С. 168.

¹⁵ Там же. С. 185.

иноком Чудовой обители: «Мы знаем, что он обманщик, а не прямой наш царь. Я это прямо говорю, я и креста ему не целовал, и целовать не стану! И если я увижу, что он тебя не пощадит и замысел свой исполнит — вот разрази меня Господь (и тут Тургенев поднял вверх руку с крестным знамением), если я не выйду на площадь и не объявлю его обмана перед всем народом!».¹⁶

Недоверие Ксении к его словам заставляет Петра Тургенева решиться на последний шаг — обличение самозванца. Вместе с ним идет на верную смерть Федор Калашник: «И вдруг, из среды этой самой ликующей и радостно восклицавшей толпы, на самом пути царя, выступили Тургенев и Федор Калашник и, не ломая шапок перед царем, крикнули во всеуслышание, обращаясь к толпе: — Кому вы кланяетесь, православные! Он не царь! Он разстрига окаянный! Не царское он рождение, а антихристово отродье! Будь он проклят в сем веке и в будущем!».¹⁷ Реакция толпы на арест Тургенева и Калашника соответствует описанию в трудах историков. Площадная чернь осыпает обличителей злыми насмешками, требует выдать их и грозит расправой.

Последний эпизод романа, в котором Петр Тургенев предстает перед читателями, — шествие на казнь вместе с Федором Калашником. Начинается он с чудесного описания ясного октябрьского утра, когда царевна Ксения вышла на прогулку в сад и увидела, как по улице ведут на казнь приговоренных: «Оба медленно и спокойно выступали, позвякивая на ходу тяжелыми ножными цепями, и пели погребальные песни, отпевая себя заживо, готовясь сойти в отверстую перед ними могилу. Их свежие, звучные, ровные голоса доносились до слуха царевны, которая могла даже разобрать отдельные слова <...> Она видела, с каким твердым и спокойным мужеством они шли на смерть — и ей вспоминались последние слова Тургенева: „Не умела ты, государыня, оценить своего верного слуги!..“».¹⁸

Царевна Ксения горько сожалеет, что не поверила словам Петра Тургенева о ждущих ее обмане и предательстве со стороны Лжедмитрия. Она заказывает по убиенным Тургеневу и Калашнику сорокоуст и панихиду.

Написанный более ста лет назад роман П. Н. Полевого «Корень зла» заслуживает внимания не только как самостоятельное художественное произведение, но и в связи с литературой об И. С. Тургеневе, где непременно должен быть упомянут. Среди достоинств этого произведения следует отметить выразительный, яркий, но не перегруженный архаизмами язык, превосходные описания реалий эпохи Годунова и Лжедмитрия, мастерство в обрисовке характеров некоторых персонажей, колоритные пейзажные зарисовки и описания старой Москвы.

¹⁶ Там же. С. 212.

¹⁷ Там же. С. 223.

¹⁸ Там же. С. 227.

Хотя в изложении исторических событий автор опирался на труды русских историков, в романе присутствует и художественный вымысел, и субъективное авторское отношение к событиям и персонажам. Петра Тургенева писатель поместил в любовный треугольник: Тургенев — Ксения — Лжедмитрий. Если чувство Петра Тургенева к Ксении — чистый вымысел автора, то отношение к ней Лжедмитрия имеет историческую подоплеку, о чем писали многие историки. У Н. И. Костомарова читаем: «Отношения Димитрия и Ксении остаются тайною. Русские и некоторые иноземные источники говорят, что он действительно имел с ней связь. Из письма Мнишка мы можем заключить несомненно то, что тогда ходили слухи о близких отношениях Димитрия и Ксении. Известно только одно, что бедную сироту постригли под именем Ольги и отвезли во Владимир. Память о ее трогательной судьбе осталась в произведениях народной поэзии».¹⁹

И хотя в финале романа Петр казнен, а Лжедмитрий торжествует, моральную победу одерживает все-таки Тургенев. Торжество же Лжедмитрия — это начало его конца.

Несмотря на то, что в исторической литературе встречаются упоминания о Петре Тургенева в связи с обличением Лжедмитрия, все-таки в той бурной эпохе, насыщенной событиями со множеством участников, он останется эпизодическим лицом. В романе же Полевого он выступает как один из главных персонажей и изображается как положительный герой. Многие сюжетные узлы романа держатся именно на Петре Тургенева. Можно предположить, что личное знакомство автора романа с И. С. Тургеньевым, их переписка, упоминание в ней о Петре Тургенева остались в памяти П. Н. Полевого и побудили его при создании романа из эпохи Смутного времени выдвинуть фигуру Петра Тургенева на передний план.

¹⁹ Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604—1613. С. 171.